

*Колдовские*  *Миры*



АРДМИР МАРИ

---

ГНОМКА В ПОМОЩЬ,  
или Ося из Ллося



Москва

2018

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
М26

Разработка серийного оформления  
*Ф. Барбышева, А. Саукова*

Иллюстрация на переплете *А. Мари*

**Мари, Ардмир.**

М26 Гномка в помощь, или Ося из Ллося / Ардмир Мари. — Москва : Эксмо, 2018. — 528 с. : ил. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-095176-5

Месть одержимых не знает границ!

За сломанную деревяшку с набалдашником и наконецником меня приговорили к году исправительных работ на благо буйного мага. И не важно, что живет он в худшем из районов и страдает ужаснейшим из недугов. Если связываться с ним запрещено законом, а спорить опасно даже суду, лучше без слов отдать, что просит...

Но вопреки планам чужим у меня есть свои грандиозные, свободолюбивые и чисто гномьи. Так что монстры поместья не указ, шпионские интриги не повод к отступлению, любвеобильный глава контроля не преграда — отодвинем куда надо. А что до исхудавшего и желтоглазого оружейника-мага... Откормим, отмоем, озадачим новым делом, а может, и собой.

Не оставлять же несчастного без пригляда.

УДК 821.161.1-312.9  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Мари А., 2018  
© Оформление.

ISBN 978-5-04-095176-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

## Глава первая

**Я** Осока, коротко Ося. Миловидная, домовитая и очень экономная гномка двадцати четырех неполных лет. Вернее, полугномка, или даже четверть гномка, хотя, по маминым и бабушкиным заверениям, во мне и десятины нет от горного народа. И только нос картошкой от прадедов достался, а может, еще и рыжинка, что прячется в темных косах и выглядывает лишь в солнечный день. Так это или нет, но саму себя я ощущала гномкой. Приземистой, тяжелой и, чего греха таить, страшной. Особенно на фоне теток, бабушки, мамы, сестер, как родных, так и дальних. Все они высокие и либо стройные — звонкие, либо фигуристые, пышностью тела манящие. А я, видимо, пошла в родню деда или прадеда и от них же характер взяла под стать фигуре, тяжелый — говорила родня, мужской — успокаивал папа, отвратный — шептались наши ллосевцы и были правы. Сватов я разворачивала задолго до родного дома, перегородив дорогу собой и палицей, с коей знакома с детских лет.

Хватило трех таких от ворот поворотов, чтобы ко мне охладели все любители вдовьей благодарности. Пусть в несчастливом браке я стараниями покойного поганца-мужа провела лишь год, три недели и два часа, этого хватило, чтобы отбить

у меня всякое желание повторного замужества. А коли жить хочу свободно и легко, должна жизнь начать заново. Именно так я решила спустя почти пять лет вдовства в одно июньское утро. Решила и ушла из родного Ллося в направлении столицы.

Августовские ветра, излюбленно воспеваемые в королевстве Дагати, я встретила в самом большом из шести промышленных городов, а первые холодные дожди — уже в столице. Осень обещала быть промозглой, зима снежной, весна мерзопакостной, именно поэтому я искала работу не в цехах или на пристани, а в теплых домах горожан — прачкой, кухаркой, служанкой или нянечкой. В отличие от прочих, на нянечек спрос был большой, отбор не шуточный и до внешности скрупулезный. Порой казалось, что надсмотр и опека не детям нужны, а их отцам, ибо на службу брали лишь хорошеньких. А я гномка.



И долго бы я еще по агентствам трудоустройств побиралась, деньги на проезд впустую тратила и спала в дешевой таверне на тюфяке, если

бы один господин меня не приметил. Тощий как жердь, осунувшийся и желтоглазый, он мне сразу показался неприятен, а как тростью в меня ткнул и заявил: «Вот эту мне отрядите», так и вовсе стал омерзителен.

— А чего это тебе? И кем отрядить-то? — Я оттолкнула ярко-красную трость от своей груди и уперла руки в бока. — Ты, задохлик, может, не знаешь, но в королевстве нашем народ свободный. И если надо чего, то скажи чего, а затем спроси, согласна я или нет. А не тыкай, понимаешь ли, зубочисткой своей на предмет твердости...

И пока я говорила, у визитера бровь медленно ползла вверх, а у агентши, ответственной за нянечек, так же медленно падало давление. Бледная как полотно, она пыталась на знаках что-то объяснить. Что именно — я не видела и видеть не собиралась, пока не выскажусь. А потому весьма удивилась, когда остальные претендентки выскочили за дверь, а с виду робкая мадам Турри выпрыгнула из-за стола, одной рукой схватила меня за шиворот, второй закрыла мне рот.



— Простите, ваше превосходительство!

— Не прощу. Кто это? — ледяным тоном поинтересовался, по-видимому, высокородный гость.

— Это?.. — Секундная заминка, и агентша, что за два месяца выучила мою анкету назубок, вдруг заявила: — А я не знаю. Право слово, вижу в первый раз!

Мои глаза явно стали больше, а дыхание и во все оборвалось, когда я услышала последующую ложь:

— Эта хамка, простите за прямоту, явно из деревни пожаловала... пробралась в мой кабинет... И подсунула анкету!

— Так, значит, прошла мимо вооруженной охраны? Предварительно получив форму нянечек вашего агентства? Вот это наглость! — сыронизировал задохлик и обратился ко мне, в очередной раз ткнув в мою грудь фигурным набалдашником трости: — И как же вас зовут, хамочка?

— Никак! Она уже уходит. Охрана! — возопила мадам — предательница кадров, и была оборвана моим локтем. Прямо под дых, чтобы неповадно было.

Она мягко шлепнулась на стул, я же представилась некоторым желтоглазым.

— Я Ося из Ллося, — тросточка гостя приятно хрустнула в моих руках и разлетелась на щепки, — а ты, хиляк, сейчас заплатишься за «хамочку»!

— Сомневаюсь, — улыбнулся он, в оскале показав увеличенные клыки.

— Святые угодники... — шепнула я. И палица, выуженная из-под формы, с тихим «хрясь» упала на Турри.



\* \* \*

С магами в нашем добром королевстве законодательно приказано не связываться. Осененные божественной искрой, они и без того физически слабы, а после подавления восстаний в кланах двуликих еще и потрепаны, считай, покусаны. С покусанными магами и, как нередко бывает, одержимыми зверем рекомендовано не сталкиваться взглядами. А самых буйных из них, красной тростью отмеченных, надлежит обходить стороной.

Мне повезло нарушить все пункты личной безопасности граждан Дагати, в том числе и закон о неприкосновенности чужого имущества. Задохлик, он же граф Лофре и многоуважаемый оружейный мастер Вардо Регген, оказался покусанным и ныне одержимым магом с пометкой «буйный», а еще мстительной сволочью, не простившей мне тросточки. Именно это нарушение судья и двое присяжных посчитали недопустимым и в высшей мере наказуемым. По прошествии недолгого совещания они обязали меня в течение полугода добросовестно отработать у графа стоимость обычной палки с набалдашником и наконечником. На резонный вопрос, а не многовато ли изделие стоит, мне ответили:

— Трость была бесценной, из сверхпрочного терракотового дерева и латунных вставок, она являла собой...

— Да какой там! Я ж ее собственными руками расщепила. Кусок изъеденной жуками сосны и самый обычный чугунок. Такая трость за четвертину серебрушки продается в столице на каждом шагу. — Я поднялась со скамьи подсудимых и уверенно продолжила: — Да мне проще деньгами отдать,

чем собственным временем и трудом... Вы хоть представляете, что можно сделать за шесть месяцев жизни?

— Убрать весь дом, отремонтировать конюшню, застеклить оранжерею, покрасить скамейки в саду, — начал перечислять присутствующий здесь же граф-задохлик-маг-хиляк.

Члены суда внимали ему со священным ужасом на лицах, уперев взгляды в пол.

— Чего?! Да ты меня из нянечек выбрал. Домашняя работа — не моя забота!.. — возопила я и на полуслове была перебита.

— Что ж, добавим готовку, стирку и присмотр за зверьем. Понянчитесь вдоволь. — Так называемый наниматель улыбнулся, сверкнув не только клыками, но и желтым взглядом, и спросил: — Что скажете?

— Ничего.

В гробовом молчании я опустила на скамью, и слово взял прокурор.

— Думаю, со всем списком дел она справится за десять месяцев, — постановил этот мрачный пучеглазый злыдень. — Ваша честь, ваше слово.



— Год, — решил судья, тучная черноволосая свинья со шрамом на подбородке.

— Согласны, — поддакнули присяжные, два стручка-сморчка. Стук молотка лишил всяческих надежд одну не в пример строптивую гномку.

И чего хорошего я ожидала от кучки негодяев в изъеденных молью париках? Зачем искала поддержку в их глазах, а главное, ждала защиты? От кого?! От тех, кто, увидев задохлика, мгновенно сдулись и, забыв о собственной важности, чуть не полезли под столы! Нужно было сразу уходить. Глядишь, не попала бы на целый год в услужение к одержимому магу.

В обвинительном безмолвии меня вывели в узкий коридор, оттуда по шаткой деревянной лестнице — к скрипучей двери бокового входа. На улице нас ожидали наемный экипаж и тучный возничий.

— Ну и зачем ты настаивала на суде? — полюбопытствовал одержимый маг, когда сопровождавшие нас стражи закона ушли, а мы сели в карету.

Ему легко удалось перейти на «ты», принятое у господ со слугами, в то время как я с трудом вспомнила о надлежащем «вы» в обращении к господам.

— Справедливости хотела.

— Ты ее получила. — Он крикнул вознице «Трогай!» и со смешком заметил: — По-моему, год работ — это более чем справедливо.

— За трость?! — возмутилась я.

— За глупость. Видишь ли, Ося, тростью в нашей прекрасной Дагatii буйные одержимые пользуются не просто так. — На удивленное «Чего? Вы ж не хромаете» он пояснил: — Вынуждены. Не хромать, носить вынуждены. Хоть и не любим этот

усмиряющий зверя атрибут — колокольчик прокаженного.

— И поэтому вы ею в меня тыкали. Хотели, чтобы я ее сломала.

— Чтобы обратила внимание на цвет дерева и набалдашник в виде оскалившейся морды зверя. Знак двуликого, оборотня. Трость полгода как ввели. — И процедил сквозь зубы: — Глава контроля постарался, чтобы весть прошла по всей Дагати.

— До Ллося еще не докатилась, мы у самой границы с Т'Агро. — В деталях вспомнила недавнюю встречу и возмутилась: — То есть там, в агентстве, вы своей тростью предупреждали с вами не связываться и не спорить? Но сигнала «Не смотри в глаза» вы не давали!

— Я улыбнулся, — заявил он и в очередной раз оскалился, обнажив звериные клыки.

— Ну, знаете ли, вы использовали его после, а не до!

Ответом мне была тишина, правда, недолгая. Маг таки снизошел до объяснений:

— Я, можно сказать, соскучился по прямым открытым взглядам, захотел продлить его на миг.

— На год! Будь судья неладен... А заодно вы разучились читать.

— Спорное заявление.

— Да? А с чего вдруг вы прислугу среди нянечек пришли искать? Агентша Турри только по ним и специализировалась. По узконаправленным, для круглосуточного присмотра за детьми.

— Она единственная, кто меня не раздражает... И не пытается спрятаться, завидев трость.

Я понятливо кивнула и отвернулась, не желая видеть счастливый графский оскал.



Карета давно выехала из центральной части города и теперь катилась по району ремесленников и рабочих. Мимо проплывали однотипные двухэтажные домишки с красными черепичными крышами, белыми ставнями и белыми же дверьми. Все как один они были сложены из неукрепленного желтого песчаника, поэтому расползались и вид имели слегка распоясавшийся.

На первом этаже обыкновенно располагались мастерские и магазинчики, на втором жилые комнаты под съем. Маленькие и пыльные, без воды и отопления, оборудованные крохотным угломужником, где ночную вазу можно вылить, но никак не помыть. Такие комнатки стоили в десять раз больше снимаемого мною угла в таверне, однако и разместить могли опять-таки один лишь тюфяк. Так что, когда владелец «Старого феникса» предложил мне за ночлег всего лишь четверть серебрушки, я согласилась, не думая и не спрашивая, отчего таверну считают легендарной. А зря.

Как оказалось, есть у нее способность сгорать и возрождаться. Сгорает она благодаря пьянчуж-

кам, не желавшим расплатиться по счету, а восстанавливается благодаря заезжему магу. Добродетель, услышав о тяжелой судьбе пятикратного погорельца, снизошел до проблем несчастного хозяина и таверну восстановил, запечатав ее первоначальный образ как истинный. С тех пор горела она раз двадцать и столько же раз возрождалась со всем обустройством и утварью, что были в таверне на магов приезд. Вот только вещей новоприбывших постояльцев в ней как ранее не оставалось, так и не остается... И надо ж было такому случиться: пока я сидела у агентурши Турри, какая-то пьянь решила не платить.

— Простите, Осока, но все сгорело... — смущенно вещал владелец заведения, стоя на пороге абсолютно новой деревянной таверны, от которой лаком и мастикой разило на версту. Я смотрела на свежыкрашенные ставни, обшитые деревом стены, на крыльцо с резными перилами и вспоминала, что я оставила в комнатушке и чего лишилась навсегда.

Два летних платья, два теплых, три комплекта белья, чулки, туфли уличные... Тапочки домашние,



зимние сапоги, шапка, шарф, перчатки, подбитый мехом плащ... И два брачных браслета, единственная память о муже. Единственная хорошая память, на всем остальном — от предметов быта до поцелуев — он решительно сэкономил. Деньги и аптечку я всегда ношу с собой, документы тоже, а вот одежду было решительно жаль, даже больше, чем сундук — наследие бабушки. Где еще я найду добротные сапоги и плащ, способные выдержать столичные морозы?

— Вам придется возместить ущерб деньгами, — я требовательно посмотрела на владельца «новостроя», — пять золотых.

Тораниус Тобириус, более похожий на бочонок с ножками, чем на человека, невесть каким образом дотянулся пухлой рукой до собственного подбородка, поскреб его, оценивая мой внешний вид. Затем покосился на карету за моей спиной, не преминув скользнуть взглядом по задохлику. Что-то подсчитал и предложил:

— Три золотых, и ни серебряшкой больше.

— Но этого едва ли хватит на одежду! — всплеснула я руками.

— Так у вас только она и была, — ответил он, отмахнувшись, и позвал помощника: — Ибрагим, принеси мне кошель.

— А как же браслеты?!

Вертикальная морщина задумчивости пересекла лоб Тораниуса.

— Какие браслеты?

— Два брачных браслета из меди и серебра! С тонкой вязью рун на благополучие.

— Какой-какой вязью? — протянул недоверчиво, но мне-то видно, издевается мужик. Кошель ему